

РАЗБОР

Это война только Путина или всех россиян? Возможно, ни то ни другое

Еще одна социологическая гипотеза состоит в том, что реальную поддержку агрессии обеспечивает циничная элита, а не «испорченный» народ

05:06, 21 июля 2023 · Источник: Meduza

Фото: Владимир Путин зачитывает очередное послание Федеральному собранию. Москва, 21 февраля 2023 года

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Когда агрессию России против Украины называют «войной Путина», сразу же возникает проблема социологических опросов: как ни интерпретировать их результаты, поддержка вторжения действительно велика. Выстраивается довольно убедительная картина: сбитые с толку обыватели, воспитанные на советских ценностях, потребляющие пропаганду и никогда не державшие в руках загранпаспорт, — отличная социальная опора войны. Об этом говорят не только в Украине и на Западе, но и некоторые российские ученые и политики. Независимый исследователь, продолжающий работать в Москве⁽¹⁾, в статье для рубрики «Идеи» показывает, что эта картина, возможно, не соответствует действительности. И дело не только в том, что число отказывающихся отвечать на вопросы социологов велико, а значит, у нас может не быть адекватного среза. Проблема еще и в том, что те же опросы раз за разом показывают, что у богатых жителей России война с Украиной находит больше поддержки, чем у бедных. Осознанно войну поддерживают не «обыватели», а осведомленные и глобализированные элиты. Их вклад в поддержку войны огромен, но он систематически игнорируется, потому что из наших размышлений эти элиты вытеснены образом «испорченного народа».

В этом тексте есть мат. Если для вас это неприемлемо, пожалуйста, не читайте его.

Редактор рубрики «Идеи» Максим Трудюлюбов

Спор о том, является ли война России против Украины «войной Путина» или «войной всех россиян», не закончится никогда. Пока идут бои, будут совершаться преступления, давая новые поводы для обсуждений и обвинений. После войны — по мере хода расследований — будут вскрываться старые преступления, и спор станет только напряженнее. В дискуссию будут вступать новые участники, не знающие, что говорилось раньше. Будут заново прочитаны старые книги и написаны новые. Будут бесчисленно много раз процитированы слова Томаса Манна о «хороших и плохих немцах»⁽²⁾? Умные и не очень умные рассуждения на эту тему прозвучат снова и снова.

Всем россиянам, носителям русских фамилий, а возможно, и вообще русскоязычным людям нужно осознать, что вопросы к ним (к нам), к их (нашей) позиции по отношению к войне будут задаваться снова и снова, по кругу. И даже если этот вопрос не зададут вам, вы с большой вероятностью зададите его себе сами.

Не стоит забывать и о том, что у спора, чья это война, есть и политическое измерение. Те, кто собирается заниматься — когда появится возможность — свободной политической деятельностью в России, часто полагают, что позиция «война всех россиян» не пойдет им на пользу в борьбе за симпатии общества. Несложно представить, что формула «Война против Украины — это война Путина, и только» станет политическим лозунгом. Собственно, это уже так. В этом нужно отдавать себе отчет.

В любом случае от этого разговора не нужно прятаться. Сформировать осознанную позицию, честно отдавая себе отчет в своем выборе, важно каждому.

«Как это, блядь, возможно?» — десятки раз повторяет рэпер Влади в одноименной песне, написанной в 2022 году, после начала войны. «Я не понимаю, как такое возможно. Чтобы сейчас, в таком современном и прогрессивном обществе, могло происходить то, что сейчас происходит. Я не могу это понять. У меня не укладывается, к сожалению. Я пытался, наверное, как-то что-то себе объяснить, но я не нахожу ответов», — говорит журналисту выдающийся российский футболист Александр Кержаков. Даже спустя полтора года после 24 февраля происходящее все еще ускользает от понимания и выглядит неправдоподобным, как

страшный сон. Но что именно мы не понимаем и откуда берется этот сновидческий эффект?

Казалось бы, пусть у кровавой войны против Украины нет причин и целей, у нее есть своя историческая и социальная логика. Во-первых, война находит объяснение в картине мира Владимира Путина и его окружения — в своеобразном историческом мессианстве российской политической диктатуры, расцветшем на почве геополитики и конспирологии. Во-вторых — в социальных представлениях и практиках российского населения, плененного, как мы привычно считаем, ресентиментом, империализмом, антизападничеством и склонного к насилию. Это единство власти и «народа» поверх голов прозападного меньшинства и делает возможной (некоторые считают, что и закономерной) иррациональную военную агрессию в Украине. Так, с теми или иными оговорками и деталями, мы объясняем себе войну.

ВОТ ПРИМЕР

«Устаревшие представления становятся обоснованием массового убийства людей» Почему война с Украиной — логичное продолжение российской идеологии. Объясняет историк Андрей Зорин

Но что-то не сходится. Невозмутимо будничным тон социальной жизни в России после 24 февраля совсем

не соответствует тому образу мобилизации и единства, который мы ассоциируем с нацией, ведущей тотальную войну в духе середины прошлого века. Дискуссия о фашизации российского общества, с которой весной 2022 года началось осмысление российского вторжения в Украину, быстро и незаметно сошла на нет. Если вы не живете в прифронтовых областях, следы войны на российских улицах, помимо вездесущей рекламы контрактной армии, найти довольно трудно.

Если вы встретили человека с Z на майке или заднем стекле машины, то есть открытого и активного сторонника вторжения в Украину и противостояния с Западом — и это не какой-нибудь начальник, не сотрудник пропагандистского СМИ и не актер Владимир Машков, то, скорее всего, на нем лежит печать неуспеха. Это росгвардеец на «Ладе Гранте», «Z-поэт», который жалуется на отсутствие господдержки и доступа к печатному станку или телевидению, патриотический блогер и его подписчик — которые вместе страдают оттого, что государство никак не возьмет их патриотизм на вооружение. «Зэт» — это в первую очередь знак социального реванша.

«Большое» же российское общество не поддерживает войну явно, но принимает ее как часть естественного социального порядка (социологи говорят о «большинстве непротивления войне»). Но кто отвечает за этот порядок, его воспроизводство и легитимацию?

Это элиты, слой социального успеха. (Что такое элиты? Уровень социальной интеграции у людей из этого слоя выше среднего, а их капиталы — социальный, финансовый, административный, символический — обладают высокой степенью ликвидности, то есть свободно конвертируются друг в друга.) После 24 февраля часть российских элит уехала из страны, но бóльшая, подавляющая часть — осталась. Средние и мелкие чиновники, обеспечивающие функционирование военно-политической машины Кремля; околосударственный бизнес, занявшийся импортозамещением и обходом санкций; верхний средний класс и руководство так называемых бюджетных организаций, вынужденные тем или иным образом демонстрировать лояльность войне, — это несколько миллионов человек, без видимого желания, но и без видимого усилия вписавшихся в моральную экономику военной агрессии. Жизнь не остановилась, отставок с начальственных постов почти не было, оптимизм предпринимателей зашкаливает.

Но как это, блядь, возможно? Легкость, с которой бóльшая часть российских элит приняла войну, — кажется, это и есть та загадка, о которой говорят рэпер Влади и футболист Кержаков.

Власти пытаются приучить россиян гордиться войной
Милитаризм в конце 2022 года стал официальной эстетикой. Вот как это выглядит

Невидимые элиты и этика обогащения

О постсоветских элитах мы знаем удивительно мало — из нашего социального воображения они полностью вытеснены фигурой обывателя, «народа», с помощью которой российский образованный класс веками объясняет себе перипетии своей истории. Склонность к таким масштабным социологическим обобщениям сегодня подпитывается и результатами опросов: например, констатация, что войну поддерживает подавляющее большинство, 70–80% россиян, как бы снимает вопрос о ее причинах — можно считать, что это просто манифестация национального характера.

Но замороженность целым мешает разглядеть детали. По данным тех же опросов, в структуре поддержки «специальной военной операции» главную роль играют не «бедные», как естественно было бы предположить, а «богатые» люди. Например, по данным независимого социологического проекта Russian Field, систематически публикующего⁽³⁾ результаты своих опросов в разрезе

материального положения респондентов, декларативная поддержка Владимира Путина, «специальной военной операции» и «частичной мобилизации», доверие к официальным заявлениям и даже готовность принять личное участие в боевых действиях прямо коррелируют с уровнем достатка опрошенных: лояльность тех, кто оценивает свое материальное положение как «высокое», на протяжении всей войны в среднем на 15–25% превосходит лояльность тех, кто оценивает его как «крайне низкое» и «низкое».

Вообще говоря, следует предположить, что, каковы бы ни были политические взгляды, уровень доходов более или менее соответствует уровню социальной интуиции и включенности в «большую повестку». И хотя более обеспеченные люди защищены от экономических потрясений сильнее, чем менее обеспеченные, они в то же время должны оценивать происходящее в более практическом ключе и острее ощущать влияние общего политического и экономического контекста на свои собственные перспективы. Однако, судя по результатам опросов, именно этого не происходит. На словах или на деле, главными сторонниками и проводниками войны в России стали не развращенные пропагандой и никогда не державшие в руках загранпаспорт «обыватели», как их привычно представляет себе образованный класс, а осведомленные и глобализированные элиты.

Но что это за люди? Как устроен успех в постсоветском обществе? Парадоксально, но самое сильное, самое заметное свойство постсоветских элит — это как раз их незаметность, непредставленность, исключая самое высшее начальство, в публичном поле. Российские элиты по преимуществу не являются элитами заслуг и общественного признания — это элиты коррупции, то есть тайных достижений, состояний необъяснимого происхождения и высоких заборов, которые их скрывают. Эти элиты существуют в патронально-бюрократической логике, даже если напрямую не связаны с государственной бюрократией: верхняя часть российского общества накрыта прочной сетью бюрократических и силовых клиентел, и паттерны бюрократического поведения давно распространились здесь за пределы собственно чиновничьего корпуса. Российские элиты, как правило, получают свой статус от патрона, вышестоящего, и потому их репутации не публичны, а социальная мифология, которая легитимизировала бы их успехи в глазах общества и даже своих собственных, попросту отсутствует. Постсоветские элиты — это класс невидимок.

Еще одна родовая черта этих элит — тотальный идеологический скепсис, признающий лишь право сильного и власть денег. Российские элиты — это элиты обогащения и консюмеризма, возведенных в степень мировоззрения. Личный материальный успех

подчеркнуто противопоставлен здесь идеям общего блага и вообще социальному идеализму любого рода, которые не вызывают у постсоветских элит никакого энтузиазма, — к этому умозаключению легко прийти, просто оценив качество российской социальной инфраструктуры, от ЖКХ до так называемых ритуальных услуг.

Но отсутствие «идеалов» они совмещают с гиперлояльностью: российские элиты состоят из убежденных сторонников режима. Только лояльны они не потому, что разделяют идеологические пафосы действующей власти, а потому, что она обеспечивает стабильность социального уклада, бенефициарами которого представители элит являются. Открытой и культурно легитимной практикой для этих элит стало лицемерие, напоминающее об оруэлловском двоемыслии: записные антизападники вкладывают в образование детей и недвижимость на Западе, правоохрана занята рэкетом и террором, а цифры из налоговых деклараций на порядки занижают реальные состояния — слова радикально расходятся с делами, и в этом заключается социальная норма.

Но в той же степени она касается и самой государственной идеологии. Идеология может быть любой, ее содержание для элит вторично по отношению к социальной функции: присяга «официальным

ценностям» — это всего лишь ритуал лояльности, плата за благополучие.

Негражданское общество и непростой советский человек

Нетрудно предположить, что эти «невидимые элиты обогащения и лицемерия» являются порождением так называемых лихих девяностых — периода раннего русского капитализма, вытеснившего с общественной сцены социальный идеализм советской эпохи. Так считает, например, едва ли не лучший знаток постсоветской бюрократии — Алексей Навальный («Путин — это и есть 90-е»). А нынешние левые назвали бы эти элиты элитами глобального неолиберализма (на страницах «Медузы» об этом не так давно писал социолог Григорий Юдин). Однако обе эти гипотезы неверны: постсоветские элиты — это специфическое наследие позднесоветского социального уклада.

Десять лет назад Стивен Коткин, один из самых авторитетных современных исследователей сталинизма (а также автор концептуального очерка распада СССР с заглавием «Предотвращенный Армагеддон», которое сегодня кажется несколько поспешным), и знаменитый польско-американский исследователь холокоста Ян Гросс опубликовали книгу «Негражданское общество:

1989 год и коллапс коммунистического истеблишмента»

о крушении социализма в Восточной Европе.

«Негражданское общество» — это советская номенклатура: верхняя часть государственного аппарата, партийная и военная верхушка и официозный культурный истеблишмент, образовавшие цельный социальный организм с общими ценностями и социальными стратегиями. Именно внезапный отказ «негражданского общества» от лояльности советской идеологии в конце восьмидесятых разрушил восточноевропейские коммунистические режимы так же, как банковская паника, *bank run*, разрушает банковскую систему, пишут Коткин и Гросс. Фокус на оппортунизме социалистических элит образца 1989 года они противопоставляют привычной картине триумфа антикоммунистической оппозиции на развалинах Берлинской стены.

Удачный термин «негражданское общество» стоит применять расширительно, имея в виду не только советскую номенклатуру, но элиты позднесоветского общества в целом — социально продвинутый городской класс, большое и малое начальство, включенное в круговорот административных, финансовых и символических обменов. Эти элиты формируются как бы в противофазе затухающему советскому проекту, их появление — само по себе форма этого затухания: идиосинкразия к советской риторической экзальтации

и идеологической ритуализированности порождает в семидесятые годы новую, антиидеалистическую социальную этику, своеобразный советский утилитаризм. Питательной почвой для него оказались нефтяной бум, накачавший советскую экономику деньгами, и политика «разрядки», проделавшая дырки в железном занавесе, который скрывал от жителей СССР бурный рост потребительской экономики на Западе. В результате этот утилитаризм становится как бы параллельной, теневой этикой позднесоветского общества, его элит — этикой консюмеризма, получающего особое символическое напряжение в мире социалистического дефицита.

Но публичная сцена в СССР полностью занята советской идеологией и борьбой с ней, и потому культ частного социального и экономического успеха не получает там легитимирующей его социальной мифологии.

Продолжая прилежно исполнять советские идеологические ритуалы, «негражданское общество» позднего социализма в действительности живет и развивается в тени, как бы вне пространства публично одобряемого социального действия. (В то же время в критическом, негативном обрамлении оно становится важнейшей темой культуры «застоя» — от жанрового кино, бесконечно разоблачающего серые схемы на овощебазах и швейных фабриках, до высокой прозы Юрия Трифонова, исследовавшего деградацию

революционных идеалов и новое торжество «мещанства».)

Элиты позднесоветского консюмеризма до неразличения схожи с постсоветскими «элитами обогащения», что имеет простое объяснение: это одни и те же элиты и одна и та же этика. Ее апостолы — поколение семидесятых, вошедшее во взрослую жизнь с расцветом этики обогащения и оказавшееся на исторической арене в двухтысячные, когда с нее окончательно сошло идеалистическое поколение оттепели. Около 60% сегодняшней российской политической элиты, согласно одному из исследований, вышло непосредственно из позднесоветской номенклатуры, а один из типичных представителей поколения семидесятых и вовсе стал президентом России.

О ДОВОЕННОЙ РОЛИ «НЕГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА»

«Негражданское общество» — главная опора российской власти Максим Трудюлюбов рассказывает, как оно устроено. И советует книги о его расцвете и крахе в СССР и в Восточной Европе

Между тем советское наследие в нашем обществе мы представляем совсем по-другому. Эти представления связаны с самой влиятельной и давно ставшей «общим местом» социологической гипотезой о существовании

в СССР особого и доминирующего социального типа, *homo sovieticus*. Она была подробно изложена в книге «Советский простой человек», выпущенной в 1993 году Юрием Левадой и его коллегами по недавно созданному ВЦИОМу, предшественнику нынешнего «Левада-центра». «Советский простой человек», каким его из начала девяностых увидели социологи, — это человек ограниченный, инфантильный и завистливый, вверивший свою судьбу государству, стремящийся не выделяться, гибкий и лукавый, боящийся ответственности и руководствующийся во всем задачами выживания. В 1993 году казалось, что он сходит с социальной сцены, но дальнейшие наблюдения заставили Леваду и его соавторов радикально пересмотреть этот вывод: по их мнению, приспособляемость и устойчивость «человека советского» оказались настолько высокими, что поставили его в центр и постсоветского социального порядка. Что, в свою очередь предопределило торможение перестроечного импульса к демократизации, а затем и сползание России в авторитаризм. Позднее к главным свойствам «советского простого человека» социологи добавили придуманный когда-то Ницше ресентимент — своего рода комплекс социальной неполноценности, компенсирующий себя с помощью активного отрицания более успешных социальных образцов (собственно, «Запада») или даже с помощью агрессии по отношению

к ним. Вот из чего состоит пресловутое «путинское большинство», те самые превратившиеся в мем «86%».

Вопрос о реальном существовании «человека советского» — это, как говорится в таких случаях, отдельная большая тема, давно ставшая предметом научной и публицистической дискуссии. И все же удивительно, как они непохожи — этот «советский простой человек» российской социологии, пленник патернализма и ресентимента, и «непростой советский человек» поздне- и постсоветских элит: вместо патернализма у него административное предпринимательство, бизнес с помощью и вокруг государства, вместо ресентимента — «символические дефициты», отсутствие возможностей для легализации собственных социальных успехов (отсюда, в частности, тяга начальства к научным степеням, также восходящая к позднесоветским социальным модам, штампование памятников знаменитостям).

Так или иначе, следует признать, что за сегодняшними российскими элитами стоит мощная, хорошо укорененная поздне- и постсоветская социальная мораль, которая сформировала устойчивый социальный уклад, успешно эволюционирующий уже примерно полстолетия. По сути, постсоветская эпоха стала эпохой «непростого советского человека»: коррупция оказалась фактически легитимизированной основой политэкономической системы, а этика обогащения

вытеснила ценности социального и политического идеализма, который исповедовало поколение шестидесятых (его звездным часом стала перестройка).

Сегодня, несмотря на проблемы с символическим признанием и публичностью, «непростой советский человек» и «негражданское общество» занимают практически всю российскую социальную авансцену. А значит, это и есть то главное, что постсоветское общество унаследовало у советского, — не ресентимент и патернализм, и даже не имперское мышление, а сочетание специфической социально-бюрократической предприимчивости с политическим конформизмом, то есть с деполитизацией.

Эффекты деполитизации и моральная катастрофа

Картина мира «непростого советского человека» отрицает ценности политического участия. Демократическую машинерию он считает не механизмом, а декорацией. Отсутствие у постсоветских элит спроса на демократию привело к тому, что демократические институты в новой России быстро превратились в имитацию, а фальсификация результатов выборов стала массовой социальной практикой, главную роль в которой играет то же самое «негражданское общество» — мелкое начальство,

директора школ и других бюджетных предприятий и тому подобное. Так в основе постсоветского социального порядка оказалась не публичная, а бюрократическая конкуренция, где главный рычаг — не общественное признание, а лояльность по отношению к вышестоящим.

Деполитизированные установки поздне- и постсоветских элит — это недоверие к политике как таковой или превращение ее в способ все того же обогащения. Эти установки лишили российский политический режим системы сдержек и противовесов. А символический вакуум, в котором пребывают эти элиты, освободил место для конспирологии и антизападничества, беспрепятственно ставших государственной идеологией.

Отказ «элит обогащения» от политических и интеллектуальных притязаний позволил российскому политическому режиму эволюционировать в персоналистскую диктатуру, в итоге оторвавшуюся от реальности и развязавшую кровавую войну в Украине. Именно такова формула, которая объясняет преемственность между позднесоветским миром и нашим трагическим сегодня, — их связывает общая социальная мораль, мораль обогащения и неучастия. Словосочетание «моральная катастрофа» кажется размытым публицистическим штампом, но в случае России 2023 года оно имеет конкретное социологическое

содержание: причины войны в Украине лежат в плоскости социальной этики.

ЕЩЕ О ПРОБЛЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Россияне виновны в войне против Украины? Или ответственны, но не виновны? Николай Эппле разбирает эти категории — и напоминает, в чем разница

Почему в России нет (хотя бы) стотысячных митингов против войны? Объясняет социолог Григорий Юдин. Он сам оказался в больнице после антивоенной акции

Пределы лояльности и устойчивость режима

Лояльность «негражданского общества» режиму ограничена — как и в позднесоветское время, «непростой советский человек» и состоящее из таких, как он, «негражданское общество» напрочь лишены идеологических пафосов и прикрывают готовыми формулами свои коррупционно-бюрократические успехи. Десятки тысяч крупных и мелких начальников, чиновников, менеджеров, госпредпринимателей, встроенных в бюрократические клиентелы, экономически успешных, «уважаемых» людей,

не способных легализовать, предъявить обществу свои успехи, — они готовы присягнуть самому людоедскому «национальному лидеру», «специальной военной операции» и черту в ступе, если те обеспечивают их положение и наделяют их новыми административными и экономическими возможностями.

Но это значит, что за высоким уровнем поддержки войны среди российских элит, который фиксируют опросы, стоит не идеологическая мобилизация, а инерция лояльности. Сейчас «непростой советский человек» все еще уверен, что власть Владимира Путина защищает «негражданское общество» и является гарантом его процветания. Однако где-то есть точка перелома, в которой он, как всегда молча, отвернется от радикализировавшегося режима, поставившего его благополучие под угрозу, и новый приступ «банковской паники» обвалит казавшуюся незыблемой политическую систему.

Правда, режим и сам, похоже, хорошо понимает, на чем основывается его поддержка, и пытается балансировать свои безумные амбиции с интересами «непростого советского человека». Столицы и крупные города, основной ареал его жизнедеятельности, преимущественно обходит стороной «частичная мобилизация» (и провоенная пропаганда в целом). С началом войны активно демонтируется

антикоррупционное законодательство — обсуждается даже отмена закона о госзакупках. Одна за другой криминализуются раздражающие бизнес и чиновников экологические организации.

Ответить, удастся ли Путину удержать этот баланс, не легче, чем на любой другой вопрос о нашем будущем. Впрочем, еще труднее представить, как сложится судьба российского социального уклада и его хозяина, «непростого советского человека», на следующем витке истории, к которому мы стремительно приближаемся.

ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ ПУТИНА

Многие верят: когда Путин умрет, война закончится, его режим рухнет — а следом наступит Прекрасная Россия Будущего. Так и будет? Ищем ответ с политологом Эрикой Франтц, которая изучила сотни автократий

«Медуза»

(1) Почему мы его не называем?

Автор текста попросил не называть его имени по соображениям безопасности.

[Вернуться к тексту.](#)

(2) Важное уточнение про методику

Количество отказов отвечать на вопросы исследователей превышает 75%. При этом социологи дискутируют о том, насколько это влияет на качество опросов.

[Вернуться к тексту.](#)

(3) Что это за слова?

«Нет двух Германий, доброй и злой, есть одна-единственная Германия, лучшие свойства которой под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла. Злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути, попавшая в беду, погрязшая в преступлениях и теперь стоящая перед катастрофой. Вот почему для человека, родившегося немцем, невозможно начисто отречься от злой Германии, отягощенной исторической виной, и заявить: „Я — добрая, благородная, справедливая Германия; смотрите, на мне белоснежное платье. А злую я отдаю вам на растерзание“»

[Вернуться к тексту.](#)